

Язык

Личность

Культура

175 лет со дня рождения И.Я. Яковлева
65 лет со дня присвоения педагогическому
университету имени И.Я. Яковлева

Министерство просвещения Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«Чувашский государственный педагогический университет
им. И. Я. Яковлева»

Язык. Личность. Культура

Сборник научных статей по итогам Всероссийской
с международным участием научно-практической
конференции, посвященной 175-летию И. Я. Яковлева и 65-летию
присвоения педагогическому университету имени И. Я. Яковлева
(Чебоксары, 5-6 октября 2023 года)

Чебоксары
2023

УДК [81:008:159.923](082)
ББК 81я431+71я431+88.3я431
Я 41

Язык. Личность. Культура : сборник научных статей по итогам Всероссийской с международным участием научно-практической конференции, посвященной 175-летию И. Я. Яковлева и 65-летию присвоения педагогическому университету имени И. Я. Яковлева / отв. ред. Т. В. Денисова, О. А. Димитриева. – Чебоксары : Чуваш. гос. пед. ун-т, 2023. – 342 с.

ISBN 978-5-88297-727-5

Печатается по решению ученого совета Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева (протокол № 2 от 29.09.2023 г.).

Рецензенты:

Борисова Л. В., доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка и литературы Чувашского государственного университета имени И. Н. Ульянова;

Павлов И. В., доктор педагогических наук, профессор кафедры педагогики и психологии Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева.

Редакционная коллегия:

И. В. Гаврилова, доцент, канд. пед. наук
Т. В. Денисова, доцент, канд. филол. наук,
О. А. Димитриева, канд. филол. наук,
А. В. Никитина, канд. филос. наук,
З. Н. Якушкина, доцент, канд. пед. наук

В сборник вошли материалы Всероссийской с международным участием научно-практической конференции, посвященной 175-летию И. Я. Яковлева и 65-летию присвоения педагогическому университету имени И. Я. Яковлева. Предназначен для лингвистов, научных сотрудников, преподавателей гуманитарных вузов, а также аспирантов, магистрантов и студентов-филологов.

ISBN 978-5-88297-727-5

© Чувашский государственный педагогический университет им. И. Я. Яковлева, 2023

© Авторы публикаций, 2023

**РУССКИЙ ЯЗЫК В СЛАВЯНСКОМ МИРЕ: К ВОПРОСУ
О СЛОЖНОСТИ ИЗУЧЕНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА НА ФОНЕ
ДРУГИХ СЛАВЯНСКИХ**

Аннотация. В статье предлагается к обсуждению проблема стереотипного представления о фонетических, грамматических и морфологических сложностях русского языка с параллелями в других славянских языках. Сопоставительный план дает возможность более объективно взглянуть на русский язык с точки зрения наиболее актуальных аспектов его изучения, отметить грамматические категории, которые в других славянских языках представляют собой еще бóльшую сложность для их освоения иностранными учащимися и подвергнуть сомнению стереотип о том, что «русский язык – самый сложный в мире».

Ключевые слова: славянские языки, грамматика славянских языков, фонетика, морфология, лексика, омонимия.

М. S. Khmelevsky, A. V. Savchenko

**RUSSIAN LANGUAGE IN THE SLAVIC WORLD:
TO THE QUESTION OF THE COMPLEXITY OF STUDYING
RUSSIAN AGAINST THE BACKGROUND OF OTHER
SLAVIC LANGUAGES**

Abstract. The article proposes for discussion the problem of stereotypical ideas about the phonetic, grammatical and morphological difficulties of the Russian language against the background of other Slavic languages in the aspect of their study. The comparative plan gives an opportunity to take a more objective look at the Russian language from the point of view of the most relevant aspects of its study and note grammatical categories, which in other Slavic languages are even more difficult for foreign students to study.

Keywords: Slavic languages, Grammar of the Slavic Languages, Phonetics, Morphology, Lexis, Homonymy.

В общении с иностранцами довольно часто приходится сталкиваться с расхожим стереотипным представлением о необыкновенной сложности и уникальности русского языка: о его неповторимой красоте и выразительности, непереводимости многих слов, выражений и понятий, что нередко подкрепляется известной прецедентной тургеневской фразой о «великом и могучем русском языке». Субъективность подобного представления особенно видна, например, на фоне мнения немецкого лингвиста В. Гумбольдта о том, что для него как немца, но при этом слависта, наиболее мелодично из всех славянских языков звучит хорватский, украинцы по отношению к своему языку часто метафорич-

но используют эпитет «солов'їна, калинова, вишнева, найспівуча мова», для чехов чешский язык – самый музыкальный язык, а для сербов их язык – самый богатый лексически, так же как для поляков самый милозвучный – их родной польский; а для русского русский язык – это, прежде всего, язык великой литературы и культуры.

Перечень метафор, которыми представители любой нации характеризует свой родной язык, можно продолжать и далее. Однако в нашем небольшом научном обзоре мы не будем глубоко затрагивать этот вопрос и оставим за его рамками дискуссии, споры и оценку различных субъективных точек зрения, а проанализируем этот аспект исключительно с фактической лингвистической стороны, тезисно обозначив некоторые показательные особенности фонетического морфологического и грамматического строя русского в сопоставлении с другими славянскими языками и предоставив читателю возможность самостоятельно подвергнуть критическому переосмыслению известное стереотипное представление о «чрезвычайной трудности» в освоении русского языка на основании приведенного ниже языкового материала.

Иностранцы, как, впрочем, и сами носители русского языка, говоря о его самых больших, а подчас – непреодолимых трудностях грамматики и об упомянутом выше «величии и могуществе» русского языка обычно забывают о том, что эта языковая «мощь» – всего лишь часть мозаичного, богатого и весьма пестрого в своем культурно-лингвистическом проявлении почти трехсот-миллионного славянского мира, разнообразного с географической, языковой, культурологической, мировоззренческой и религиозно-конфессиональной точек зрения.

Восточные, западные и южные славяне, хоть и являются наследниками общего языка-предка, однако в ходе своего исторического развития настолько сильно разошлись после распада общеславянского единства в V – VI вв. н.э., что, несмотря на значительный общий старославянский лексический фонд (например, *брат, сестра, небо, море, книга, вода, река, хлеб, рука, нога, сердце* и многие другие лексемы в славянских языках звучат в сущности одинаково – польский лингвист Т. Лер-Сплавинский выделял около 700 однокоренных общеславянских единиц [Lehr-Spławiński, Kuraszkiewicz, Sławski 1954: 21]), в результате самостоятельного фонетического и грамматико-синтаксического развития каждого из славянских языков чех сегодня далеко не всегда хорошо (а также – правильно) поймет, например, поляка, серб – болгарина, словак – словенца, поляк – кашуба, и даже русский – наиболее близких ему восточных славян: украинца или белоруса.

Коммуникативную ситуацию в смысле межславянского взаимопонимания осложняет и такое характерное и весьма распространенное явление, как славянская межъязыковая омонимия, или «ложные друзья переводчика», например, сербск. *kuća* – «дом», болг. *булка* – «невеста», польск. *uroda* / укр. *врода* – «красота», чешск. *úžasný* в значении «прекрасный, замечательный», словацк. *električka* – «трамвай», белорусск. *гуляць* – «играть», укр. *чоловік* – «муж», сло-

венск. *družba* – «фирма, компания» и мн. др. [Савченко, Хмелевский 2023: 161-170].

В любом из славянских языков мы находим свои специфические трудности на всех грамматических уровнях: фонетическом, морфемном, морфологическом, синтаксическом и лексическом. Так, в качестве наиболее сложных для изучения иностранными учащимися грамматических аспектов можно назвать глаголы движения в русском языке, чешские типы склонения имен существительных (14), шестиступенчатая редукция гласных в фонетической системе словенского языка, польские и словацкие особые именные лично-мужские формы, система глагольных видов и времен в болгарском и македонском, а также двойные (в болгарском) и тройные (в македонском) постпозитивные определенные артикли, сербское краткое и долгое тональное ударение (всего 4 вида), чередующиеся в зависимости от словоформы словацкие дифтонги, чешские и словацкие долготы, имеющие смысловозначительную функцию, польские носовые гласные и большое количество аффрикат, различающихся по твердости и мягкости и т. д.

Для подтверждения нашего тезиса об относительной сложности изучения русского языка рассмотрим лишь некоторые наиболее важные и показательные грамматические аспекты в других славянских языках, представляющие еще большую сложность для их освоения в сравнении с русским. Так, в области фонетики русский язык среди других славянских не окажется самым сложным: на фоне русских 6 ударных гласных, например, в словенском языке их насчитывается 13, при этом все они различаются по своему качеству и количеству, что дополнительно осложняется наличием разноместного ударения. Если в русском степень редукции зависит от позиции и удаленности гласного от ударного слога, то в словенском такая закономерность весьма условна (причем редуцироваться могут даже ударные звуки) [Кондрашов 1986: 213].

Говоря о системе славянского вокализма, отметим, что русский язык также не будет на первом месте по степени сложности, поскольку, например, в чешском или словацком, сербском, хорватском и словенском гласные различаются по долготе и краткости, что имеет смысловозначительную функцию (при этом в сербском и хорватском на письме они обычно не выделяются какими-либо дополнительными диакритическими знаками, в отличие от чешского и словацкого): например, чеш. *dráha* («дорога») – *drahá* («дорогая»), словацк., чешск. *pas* («паспорт») и *pás* «пояс», сербск. *kupiti* (с кратким восходящим ударением – «купить») и *kupiti* (с долгим нисходящим – «собирать») или *grad* в зависимости от долготы и тона ударения будет означать «город» или «град» (осадки) и др.

Говоря о фонетической системе, стоит также упомянуть и о специфическом чешском палатальном звуке *ř* [rž] (оглушенный вариант [rš]) на месте праславянского мягкого *p'*: *řeka* – «река», *Řím* – «Рим», *Paříž* – «Париж», *přítel* – «друг, приятель и т. п., который не имеет аналогов ни в одном другом языке мира [Широков 2003: 295] и представляет известную сложность в процессе освоения и обучения его произношению.

Русский, как и большинство других славянских языков, утратил праславянские носовые гласные, которые, однако, до сих пор сохранились в современном польском языке, при этом нынешняя польская система носовых далеко не всегда соответствует исконной праславянской: носовые, например, в рамках одной и той же лексемы могут чередоваться в зависимости от словоформы: *mqż* – *bez męża* («муж – без мужа»), но *dęb* – «дуб» (где носовой распадается на гласный [e] и сонорный [m]); в возвратной частице *się* он нивелируется (произносится как обычный [e]) в разговорной речи, хотя и обозначается графически, или как в слове *dziękuję* – «спасибо, благодарю» оба носовых произносятся по-разному (первый – как носовой, второй – как [e]).

Одним из наиболее иллюстративных в фонетическом отношении примеров являются чешский и словацкий языки, где в функции слогаобразующего гласного звука могут выступать согласные *r* и *l*, напр. чешск. *srdce* – «сердце», *vlk* – «волк» и т. п. Классическими в славянской компаративистике стали такие чешские предложения, как, например: *strč prst skrz krk* – букв. «вставь палец сквозь горло», или *vlk prchl skrz tvrz* – букв. «волк побежал через крепость». Более того, в словацком эти слогаобразующие согласные различаются еще и по долготе и краткости, а также способны чередоваться в зависимости от формы слова: *vrba* – но *bez vr̄b*, *vl̄na* – но *bez vl̄n*. [Лифанов 1999: 21]. То же явление – слогаобразующий [r] – мы встречаем в сербском и хорватском; он может быть как долгим, так и кратким, как с восходящим, так и с нисходящим тоном ударения, например: сербск. *vrt* – «сад», *Srbija*, *srpski*, *rt* – «мыс».

Традиционно считается, что одну из наибольших сложностей в изучении славянских языков для носителей аналитических языков представляет собой такое морфологическое явление их грамматической структуры, как флективность, однако в сопоставлении с русским западнославянские языки (чешский, польский и лужицкие) в славянском мире, несомненно, являются самыми многозначными и вариативными с этой точки зрения [Соколянский 2004: 18]. Проиллюстрируем наше утверждение на конкретных фактических данных: 1) в чешском языке количество типов склонений существительных достигает 14, причем они делятся на твердые и мягкие типы; 2) сложная система чередований согласных на стыке морфем: чешск. *ruka* – *v ruce*, *Praha* – *v Praze*, польск. *mucha* – *o musze*, *filolog* – *filolodzy*, сербск. *jezik* – *jezici*, *siromah* – *siromasi*, укр. *нога* – *на нозі*, *рука* – *у руці*, *Петербург* – *у Петербурзі* и т.п.; 3) чередование корневой гласной в закрытых слогах: чешск. *kůň* – но *bez koně*, словацк. *stól* – *bez stolu*, польск. *kościół* – но *w kościele*, укр.: *Львів* – *до Львова*, *Kuïv* – *до Києва*, *ніс* – *у носі* [Савченко, Хмелевский 2019: 92] и т.п.

Представляя обзор грамматических трудностей в славянских языках по сравнению с русским, нельзя не упомянуть о наличии в грамматике древнеславянского языка двойственного числа, которое до сих пор сохранилось в словенском и лужицких: словен. *dobri študent dela* – «хороший студент работает» (ед. ч.) – *dobri študenti delajo* (мн. ч.) – *dobra študenta delata* (дв.ч.); *rdeča vrtnica raste* – «красная роза растет» (ед. ч.) – *rdeče vrtnice rastejo* (мн. ч.) – *rdeči vrtici rasteta* (дв. ч.). [Markovič, Halužan, Bartol, Škapin, Vuga 2013: 67].

Система изменения русских глаголов в ходе исторического развития значительно упростилось, тогда как чешская (5 классов, 14 типов) является самой сложной в сопоставлении с другими славянскими языками. Так, например, 1 лицо ед. ч. всех русских глаголов имеют окончание *-у/-ю* (кроме глаголов *дам* и *ем* и производных от них), тогда как в чешском оно имеет целый ряд словообразовательных формантов: *já dělám – já prosím – já čtu – já telem – já pracuji* либо *já pracuju*.

Тема славянского глагола – это отдельный сложный и разносторонний аспект исследования в славистике. Здесь же мы лишь упомянем, что трудность в его изучении представляет собой далеко не русская грамматика, а западные и в особенности – южнославянские языки. Например, формы будущего времени: в польском и украинском одновременно используются две формы его образования: польск. *ja będę robić / ja będę robiłem*, укр. *я буду робити / я робитиму*, или сербский и хорватский, где оно образуется с помощью глагола *hteti* «хотеть» и его энклитики: сербск. *hoću spati* – «я буду спать»; или, например формы прошедшего времени (перфекта) в западно- и южнославянских языках с обязательным включением личных форм вспомогательного глагола *быть* (чешск. *dělal jsem*, серб. *čitao sam*), что утратили восточнославянские языки, причем в польском эти формы имеют два типа окончания – отдельно для мужского и для женского: *robilem* (мужск. р.) – *robilam* (женск. р.), *robiliśmy* (мн. ч. мужск. р.) – *robiłyśmy* (мн. ч. женск. р.).

В системе времен в южнославянских языках (болгарский, македонский, сербский) до сих пор употребляются в речи древние формы аориста, имперфекта, плюсквамперфекта, усложненные славянской видовой системой (что также давно утрачено русским языком, который развивался в сторону упрощения своего грамматического строя), а в словенском до настоящего времени остается живой такая особая глагольная форма, как супин: форма глагола, выражающая значение цели (словен. *jaz lahko brati* (инфинитив) – «я могу читать» и – *jaz grem brat* (супин) – «я иду, чтобы читать»).

Вместе с тем, еще одной из отличительных грамматических особенностей восточнославянских языков является отсутствие энклитик. В частности, речь идет о возвратных частицах, которые в западно- и южнославянских языках стоят в синтагме на втором месте после первого полнозначительного слова: чешск. *líbí se mi* – польск. *podoba mi się* («мне нравится»), или сербские энклитики с обязательным порядком их расстановки во фразе: сербск. *mlada devojčica na konceru lepo je igrala* – хорв. *mlada je djevojčica na koceru ljepo plesala* [Кузнецова, Раина, Савченко, Хмелевский 2020: 21].

Таким образом, разрушая стереотип об исключительной сложности фонетической и грамматической структуры русского языка, на основании приведенных в статье примеров можно сделать общий вывод, что в рамках славянского языкового пространства русский язык для изучения является далеко не самым трудным, как это представляется в сознании среднестатистического обучающегося или носителя, владеющего только родным русским.

В нашей статье мы тезисно представили немногочисленные, но при этом весьма показательные примеры для иллюстрации выдвинутого постулата о том, что русский язык не является *самым* трудным для его изучения; даже кратко приведенные нами факты нивелируют упомянутый стереотип о его «исключительной сложности».

Мы не затрагивали многие другие аспекты, как, например, диалектная раздробленность (в частности, 42 диалекта в словенском языке или такое особое языковое явление, как *обиходно-разговорный чешский язык* (obespá čeština)). Отдельного внимания в этом ключе заслуживает также лингвистический и экстралингвистический подходы к вопросам сербского, хорватского, боснийского и черногорского языков, а также к проблемам выделения славянских микроязыков в отдельные языки или же говоры, а также вопросы межславянской конвергенции, столь актуальной для восточнославянского этнолингвистического и историко-культурного ареала (украинский *суржик* и белорусская *трасянка*), изучение явлений лексической трансплантации и значительной «культурологической клишированности» как характерной черты русского языкового узуса (т. е. широкое использование в языке самого широкого спектра прецедентных феноменов). За рамками нашего исследования остались также параллели с языками других грамматических систем (тюркские, финно-угорские, семитские, кавказские и др.), что только бы подчеркнуло и окончательно разрушило созданный миф об «исключительной трудности» русского языка по сравнению со многими другими европейскими (в т.ч. и славянскими), поскольку любой язык, даже с самым незначительным количеством его носителей, включает в себе глубокое духовное и культурное богатство, отраженное в его грамматической и лексической системе во всей ее сложности и многообразии, а также в его культуре, литературе и мировоззрении.

Литература

1. *Лифанов К. В.* Морфология словацкого языка. – М: МГУ, 1999. – 168 с.
2. *Кондрашов Н. А.* Славянские языки. – М., 1986. – С. 213–220.
3. *Кузнецова И. В., Раина О. В., Савченко А. В., Хмелевский М. С.* Фразеология и идиоматика в преподавании РКИ (с русско-польскими грамматическими и лексическими параллелями) // Мир русского слова. – Санкт-Петербург: Изд-во СПбГУ, 2020. – С. 18–23.
4. *Савченко А. В., Хмелевский М. С.* Русский язык в славянском мире: «Кто на свете всех труднее?..» (Сопоставительный анализ славянских языков в аспекте их преподавания) // Мир русского слова. – №1. – Санкт-Петербург: Изд-во СПбГУ, 2019. – С. 91–95.
5. *Савченко А. В., Хмелевский М. С.* К вопросу о межъязыковой омонимии в славянских языках: общий теоретический и практический обзор проблематики // *Językoznawstwo. Współczesne badania, problemy i analizy językoznawcze.* – Łódź: Akademia Humanistyczno-Ekonomiczna w Łodzi, 2023. – S. 161–170.

6. *Соколянский А. А.* Введение в славянскую филологию. – М., 2004.
7. *Широков О. С.* Языковедение: введение в науку о языках. – Москва, 2003.
8. *Lehr-Splawiński T., Sławki F., Kuraszkiewicz W.* Przegląd i charakterystyka języków słowiańskich. – Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1954. – 166 s.
9. *Markovič A., Halužan V., Pezdirc Batol M., Škapina D., Vuga G.* S slovenščino nimam težav. – Ljubljana: Znanstvena založba Filozofske fakultete, 2013. – 78 s.

Авторы:

Хмелевский Михаил Сергеевич – доцент, Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Россия; e-mail: chmelevskij@mail.ru

Савченко Александр Викторович – ассистент-профессор, Государственный университет Чжэнчжи, г. Тайбэй, Тайвань; e-mail: savchenko75@mail.ru

Authors:

Khmelevkiy Mikhail S. – docent, St.-Petersburg State University, St. Petersburg, Russia; e-mail: chmelevskij@mail.ru

Savchenko Alexandr V. – Assistant-Professor, National Chengchi University, Taipei, Taiwan; e-mail: savchenko75@mail.ru